

Благодарности

Эта книга появилась благодаря любви, помощи и поддержке Мелиссы Панио-Пэтерсэн, Робина Рини Хилла, Джой Кребель-Садовски, Анджелы Бонни Шокли, Сары Торпи, Хиларии Элигзэндэр, К. Лэрсэн, Эммы Адамс, Ноэми Элуан, Билла Хэристона, Кристофера Стюарта, Кэтлин Рипли и Дженниффер Бэллоу, а также всех без исключения участников объединения «Соратники Эммы». Вы никогда не перестаете меня удивлять! Вы оказываете мне такую невероятную, беспрестанную, теплую и вдохновенную поддержку, что меня переполняет благодарность.

Блогеры и читатели... Где бы я была без вас? Каждый раз, когда выходит моя новая книга, я снова и снова наблюдаю щедрость блогерского сообщества: армия волонтеров читает мой роман, пишет обзоры и рекламирует его исключительно из любви к литературе. Я так благодарна вам всем за то, что вы делаете для меня и для каждого писателя, который хочет, чтобы его голос был услышан.

Мелисса Панио-Пэтерсэн, ты — гораздо больше, чем моя правая рука. Ты — потрясающая художница, графический дизайнер и одна из самых заботливых

ЭММА СКОТТ

и добрых женщин (и с прекраснейшим чувством юмора в придачу), которых я только знаю. Я хочу стать тобой, когда вырасту. Посылаю тебе свои благодарность и любовь.

Сюзанна Лакер... Это уже четвертая моя книга, которой коснулся твой редакторский талант, и на протяжении всех четырех я обещала, что буду сдавать рукописи вовремя и что тебя не ждет никаких безумных дедлайнов. В каждом из четырех случаев все было ровно наоборот, но ты неизменно относилась к ситуации с юмором и любовью и никогда не жалела для меня сальных шуточек. Пусть всегда будем мы.

Трей-лист

21 Pilots — "Heathens"

Journey — "Don't Stop Believing"

Frank Sinatra — "My Way"

Prince — "Purple Rain"

Blondie — "One Way or Another"

Chicago — "You're the Inspiration"

Frank Sinatra — "I'll Be Home for Christmas"

Wonderwall — "Oasis"

Fitz and The Tantrums — "HandClap"

Rag'n'Bone Man — "Human"

The Cinematic Orchestra — "Man To Build a Home"

Посвящение

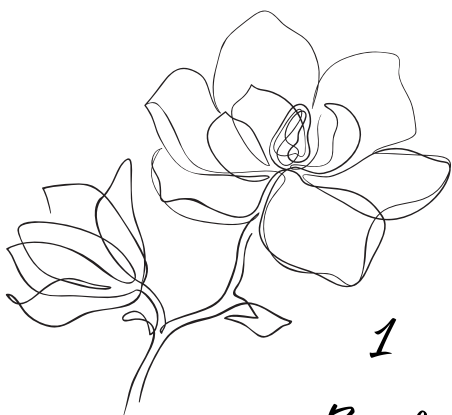
Посвящается Робину, который для меня словно луч прожектора среди тумана.

Пусть время от времени я сходила со своего пути и бессмысленно бродила в пустоте, но благодаря тебе я никогда по-настоящему не терялась.

*«В местности моей
таится вина».*

*Овидий
«Метаморфозы»*

1

Зельда

29 ноября

— Нет души, — прошептала я в воротник пальто.

Порыв ледяного ветра пронесся по людной нью-йоркской улице, растрепав мои длинные черные волосы и сорвав слова с моих губ. В глазах щипало, но только из-за ветра. Я никогда не плакала. Никогда. Даже после того, как мою работу отвергли три крупнейших издательства графических романов в Манхэттене. Мои глаза слезились из-за ветра.

Три отказа за два дня. Главные редакторы каждого из издательств слились в моей памяти в единый образ напыщенного гада, который безразлично приподнимал брови, разглядывая мою работу. Он был слегка впечатлен, но этого оказалось недостаточно.

— Интересная идея и отличная рисовка. Но... мы не возьмем.

Тем не менее в третьем отказе теплился крохотный лучик надежды. Редактор моим предложением не заинтересовался, но, когда встреча подошла к кон-

цу, меня отвела в сторону его ассистентка. Темноволосая Айрис Ганновер казалась немногим старше моих двадцати четырех лет. Ее губы были накрашены красной помадой, а глаза жестко смотрели на меня сквозь стекла стильных очков. Жестко, но не злобно. Как будто она меня оценивала.

— Еще даже не декабрь, а у всех уже праздники на уме, — сказала Айрис. — Если вы сможете внести исправления и принести мне раскадровку в течение пары недель, я прослежу, чтобы редактор взглянул на нее еще раз.

— Какие исправления? — уточнила я.

— У вас есть потенциал. — Айрис постукала по моему портфолио. — Рисовка прекрасная, но в самой истории не хватает накала. Экспозиция хороша, но в ней не бьется пульс. В ней нет души. Найдите душу.

— Нет души, — прошептала я еще раз.

Я ростоно заморгав, я перевела взгляд на поток машин, который двигался на север по Шестой авеню. Все вокруг было серым. Небо, тротуар, здания. Монотонный городской пейзаж, набросанный углем и черными чернилами, с желтыми пятнами такси — единственной деталью, о которой вспомнил колорист. Прохожие, натянувшие на уши шапки и закутанные в шарфы, толкали меня локтями. Они шли мимо быстрой, уверенной походкой. В отличие от меня они знали, куда направляются и что готовит им будущее.

Я крепче вцепилась в свое портфолио. В нем лежало само мое сердце. Макет моего графического романа «Мама, можно...?».

Но в нем нет души.

Я могла признать, что он не был ни сентиментальным, ни эмоциональным. Никакой слезливой роман-

тики. Только насилие и стремительный сюжет. Это была антиутопия с путешествиями во времени, полная крови и мести. Моя героиня охотилась за педофилами и похитителями детей, чтобы помешать им исполнить свой замысел и убить их. Так она пыталась спасти свою душу от чувства вины и сожалений, с которыми она жила после гибели собственного ребенка. Рядом с ней не было рыцаря в сияющих доспехах, готового сделать это за нее.

Разве не такого желали читатели? Разве им не хотелось увидеть новую Джессику Джонс или Черную Вдову? Сильную героиню, которая надирает злодеям задницы и не нуждается в том, чтобы ее спасал мужчина?

Нет, они желают душу. Удачи им с этой фигней. Мою душу вырвали из меня десять лет назад, когда однажды летним днем мою девятилетнюю сестру Розмари похитили из продуктового магазина в Филадельфии. Это кошмарное действие развернулось между полок с хлопьями и супами. Оно происходило у меня на глазах, но я ничего не смогла сделать. Я подвела ее, и с тех самых пор чувство вины съедало меня изнутри, словно злокачественная опухоль. Графический роман «Мама, можно...?» родился из этой адской боли.

Если бы я не рисовала, то сошла бы с ума.

Айрис, ассистентка издательства «БлэкСтар», хотела, чтобы я принесла ей исправленную раскраску через пару недель. Но я понятия не имела, как найти душу для своей истории, да и работать над этим мне было негде. За последние три дня еда, плата за такси и аренда комнаты в омерзительном молодежном хостеле сожрали мои накопления, словно полчище саранчи. Я могла вернуться в Ве-

гас, но это было все равно что расписаться в своем поражении.

Мне нужно было спокойное место, где я могла бы спокойно все обдумать. Угол Шестой авеню, на котором я стояла, таковым не являлся. Я провела рукавом по слезящимся глазам — дурацкий ветер — и подошла к краю тротуара, приподняв руку, чтобы остановить такси. А потом вспомнила о своих тающих на глазах финансах.

«Больше никаких такси, мисс Богачка», — мысленно прикрикнула я на себя. Мне предстояло набраться храбрости, чтобы спуститься в метро, либо попытаться разобраться с тем, как тут ходят автобусы.

Я перешла через дорогу и спустилась в метро. От Среднего Манхэттена до хостела, расположенного недалеко от Портового управления, ехать было недолго. Выйдя из метро, я зашагала по людной улице, вдоль которой располагались магазины для взрослых, табачные магазинчики и конторы, занимающиеся поручительством под залог.

Хостел «Парксайт» находился вовсе не возле парка, а над крошечным сувенирным магазинчиком, где продавались дешевые вещицы с атрибутикой Нью-Йорка: толстовки, снежные шары, брелоки и копилки со статуей Свободы.

Когда три дня назад я вышла из такси и оказалась здесь впервые, все эти безделушки развеселили меня. Будучи наивной дурочкой, я купила безвкусную открытку, верхнюю часть которой украшала кричащая надпись: «В “Большом яблоке” меня ждет успех!» Она выглядела просто кошмарно, так что я собиралась отправить ее Тео после того, как один из издателей предложит мне контракт. Тео был моим другом и начальником тату-салона, где я работала,

когда жила в Вегасе. Я знала, что эта открытка его рассмешит.

Стоило мне сделать два шага по обветшалому фойе, выложенному грязной плиткой и с мигающими флуоресцентными лампами на потолке, как сверху до меня начали доноситься громкие разговоры, крики и грохочущая музыка. Здесь было не просто даже заснуть, не говоря уже о том, чтобы работать.

В первую ночь в хостеле «Парксайд» соседки у меня не было. Я провела несколько долгих часов, как Том Хэнкс в фильме «Большой»: придвинув старенький комод к двери и свернувшись калачиком на кровати. Я пыталась сжаться в комок, наблюдая за тараканом, бежавшим по половице вдоль стены. Мне было страшно до жути.

Но я не плакала.

Я открыла ключом дверь своей комнаты. Яркая красно-желтая открытка, которую я купила для Тео, первой бросилась мне в глаза. А потом я увидела, что вся одежда, которую я привезла с собой в Нью-Йорк, за исключением той, что была на мне, валялась на полу вместе с компактными баночками шампуня, мыла и лосьона — даже коробочка противозачаточных таблеток не стала исключением. В комнате было четыре шкафчика, запиравшихся на ключ. Дверь моего оказалась погнутой и висела на одной петле. На вторую ночь моего пребывания в хостеле в комнату ворвалась девушка, пробормотала свое имя — Джейн — и бросила на вторую кровать потрепанный спальный мешок. Потом она засунула в шкафчик синюю дорожную сумку и быстрым шагом вышла из комнаты. Больше я ее не видела.

А теперь пропали и все ее вещи.

— Что за черт?..

У меня заколотилось сердце. Я вылетела из комнаты и сбежала по ступенькам к стойке регистрации, которая больше напоминала пропускной пункт в метро. Я дрожащей рукой постучала по оргстеклу, чтобы привлечь внимание администратора. Это был лысеющий мужчина с пивным животом и скучающим выражением лица. Он листал эротический журнал, покуривая миниатюрную сигару, дым от которой заполнял кабинку и просачивался сквозь круглое отверстие в нижней части стекла.

— Моя комната... — выдохнула я. — В мою комнату кто-то вломился. Мою сумку обшарили. Соседки нет и ее вещей тоже. Может быть, это она сделала?

Не знаю, на что я рассчитывала — возможно, на то, что администратор будет так же шокирован и возмущен, как и я. Или на то, что эта ситуация его хоть как-то обеспокоит. Но мужчина всего лишь тяжело вздохнул и бросил журнал на столик.

— Господи. Ты что, забыла закрыть чертов шкафчик на ключ?

Я уставилась на него.

— Что?.. Нет. Конечно, не забыла, — произнесла я, чувствуя, как ярость потихоньку выжигает из меня страх. — Я заперла чертову дверь, только вот ее кто-то оторвал!

— Вот дерьмо, — проговорил он. — У тебя что-то украли?

— Не знаю. Я запаниковала. Ничего там не разглядывала, сразу побежала сюда.

Я успела наделать немало глупостей с тех пор, как приехала сюда, но на то, чтобы не оставлять деньги в хостеле, мне ума хватило. Я хранила остаток финансов в кошельке, который прикрепила к петле

ремня и засунула под свои черные брюки. Ноутбук я носила на собеседование с собой — вместе со своим портфолио. Кроме него у меня была только одна ценность — мои художественные принадлежности...

О боже.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица — словно я была скетчем, с которого разом стерли все краски.

— Только не это... Черт, нет-нет-нет!

Охваченная паникой, я взбежала вверх по ступеням. Краем сознания я понимала, что администратор тяжело плетется следом за мной. Оказавшись в комнате, я начала рыться в своих вещах. Меня мутило от мысли о том, что какой-то незнакомый человек трогал мою одежду руками. Трогал *мое белье*. Но на нее вор не покусился. Хоть чего-то стоили только мое двубортное пальто и сапоги, но и то, и другое было сейчас на мне. Но все мои принадлежности для рисования исчезли. Складывающийся переносной столик, ручки и карандаши, скетчбук фирмы «Кансон»...

Зачем? Почему кто-то решил украсть ручки и бумагу?

Потому что они были высшего качества. Мое самое ценное имущество. Инструменты, с помощью которых я создавала свои рисунки. Я словно лишилась пальцев на руке.

— Что-то украли?

— Все, — проговорила я. Желудок сжался так сильно, что я едва могла дышать. — У меня украли абсолютно все.

Администратор недоверчиво хмыкнул.

— По виду комнаты не скажешь. Твои вещи тут повсюду разбросаны.

Все кончено. Вообще все.

Я сглотнула, чтобы не расплакаться, и начала собирать свои вещи в одну кучу.

— Вы вызовете полицию? — спросила я себе под нос, поднимая одежду с пола. — Или все гости вашего хостела имеют свободный доступ к личному имуществу друг друга?

Я замерла и снова оглядела комнату.

— Подождите. Чемодан. Где, мать вашу, мой чемодан?

От новенького черного чемодана на колесиках, подаренного мне одной из соседок в честь отъезда из Лос-Анджелеса, не осталось и следа.

— Его тоже забрали, — произнесла я. — Они взяли мой чемодан и предметы для рисования.

Я обернулась и уставилась на администратора злым взглядом.

— Хотя нет, не они. *Она*. Девушка, которую вы ко мне подсадили. Это же явно она сделала, да?

— Похоже на то.

Администратор вздохнул и достал из кармана смартфон.

Тридцать минут спустя прибыли двое полицейских. Я ждала в фойе, положив на колени черный мусорный пакет, в котором лежали все оставшиеся у меня вещи. Копы взяли у меня показания и пошли обыскивать другие комнаты, но ничего не нашли.

— Девушка подписалась именем Джейн А. Ф. Рист, — сказал администратор. — А. Ф. Р-И-С-Т.

— Джейн Аферист? — Мой взгляд грозил просверлить в нем дыру. — Вы что, блин, издеваетесь?

Мужчина пожал плечами.

— Она платила наличными. Даже если бы она назвалась матерью Терезой, мне было бы все равно.

Чертова мать Тереза выписалась из хостела утром и уже давно исчезла в неизвестном направлении.

— Мы сообщим вам, если что-то обнаружим, — пообещал один из полицейских и сочувственно мне улыбнулся.

Тем не менее в его словах слышалось другое послание: *«Рассчитывать на многое не стоит»*.

Администратор приподнял руки, словно демонстрируя, что не несет никакой ответственности. Заселяясь, я подписала отказ от претензий, так что он прекрасно знал, что его задница в безопасности. Но когда копы ушли и я осталась сидеть одна с идиотским мусорным пакетом в руках, его лицо немного смягчилось.

— Послушай, девочка, — начал он. — Можешь остаться в комнате еще на одну ночь бесплатно. Должен же я хоть что-то для тебя сделать, правда?

Я уже собиралась сказать ему, куда он может засунуть свою бесплатную ночь, но солнце стремительно клонилось к горизонту. Куда мне было идти?

До Филадельфии всего два часа пути на поезде.

— Ладно, — коротко бросила я управляющему, задушив эту мысль в зародыше. — Я согласна остаться здесь еще на одну ночь, но только если вы поселите меня в *одиночном* номере.

Он поднес к подбородку толстые, короткие пальцы и, почесав щетину, кивнул.

Оказавшись в своей новой комнате, я бросила мусорный пакет на широкую кровать и огляделась. В углу стояли стул и крошечный столик, но в ящике не было ни ручки, ни бумаги.

У меня нет ни ручки, ни бумаги.

Заморгав изо всех сил, я достала телефон, чтобы просчитать варианты. У меня оставалось всего 700 долларов. Если возвращаться в Вегас — *даже не думай плакать, Росси*, — на билет уйдет 300 долларов. А потом еще 300 на оплату аренды за комнату, которую я там снимала.

Если же оставаться в Нью-Йорке, семисот долларов не хватит даже на сутки. Мне пришлось бы искать квартиру, и все деньги ушли бы на задаток, так что до конца месяца мне было не протянуть. Но что я точно не собиралась делать, так это оставаться здесь, в хостеле, и пытаться переделать свой графический роман.

— Да и чем мне его переделывать? — с горечью напомнила я себе. У меня больше не было художественных принадлежностей. Эта мысль каждый раз пронзала мне сердце насквозь, а потом ранила и более практичную часть меня, потому что более-менее сносные ручки и бумага стоили не меньше долларов пятидесяти.

Закончив с подсчетами, я бросила телефон на грубое оранжевое покрывало. Итак, вывод: я в полной заднице. Я потерпела неудачу. Теперь мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в Вегас и снова жить в своей старой комнате в переполненной людьми квартире, которые еще и постоянно менялись. Я не сомневалась, что Тео снова возьмет меня на работу в тату-салон, но мне этого не хотелось. Я устала делать татуировки. Меня расстраивало то, что мои рисунки исчезали за дверьми салона, лишая меня возможности снова их увидеть. Я хотела создать что-то, что могла бы подержать в руках. Что-то, что мог бы увидеть весь мир...

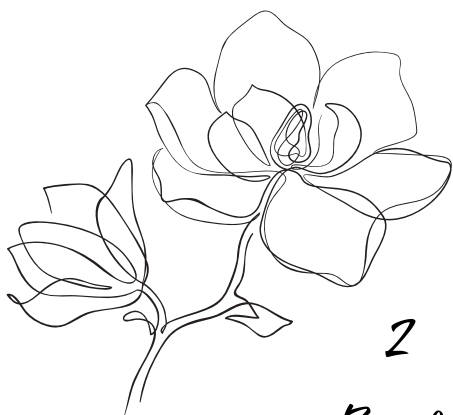
СТАНЬ МОИМ ЗАВТРА

Твоя гордость не уступает твоей же глупости.

К глазам подступали слезы, и я заставила себя подняться с постели, прежде чем они смогли взять надо мной верх. Засунув мусорный пакет в шкафчик, я хлопнула дверцей и закрыла ее на замок. Нужно было поужинать.

Мне пришлось признать свое поражение, но я решила, что этот город должен мне один нормальный ужин, прежде чем я уеду обратно в Вегас. Взяв в руки портфолио, я вышла из комнаты.

2

Зельда

29 ноября

Руперт — один из моих соседей в Бегазе — говорил, что увидеть художественную сторону Нью-Йорка можно в районе Ист-Виллидж. Сейчас мне было совершенно не до художественности, но я предпочитала двигаться хоть в каком-то направлении, чем ощущать себя потерянной и абсолютно, до ужаса беспомощной. Я снова спустилась в метро и поехала на северо-восток. Вышла на станции Астор-Плейс и зашагала по улице Сент-Марк в сторону Второй авеню.

Стараясь запоминать ориентиры — по обе стороны наблюдалось множество баров и магазинов богемного вида, — я принялась искать кафе с плюсоминус нормальной едой по цене, соответствующей моим скудным финансам.

Увидев маленькое итальянское бистро под навесом в красно-белую полоску, на котором красовалось название «Джованни», я остановилась. «*Как банально*», — подумала я, ощущая, как меня окутывает теп-

лый запах, просачивающийся на улицу. Томатный соус с чесноком, базиликом и розмарином...

Розмарин.

Волна тоски по дому накрыла меня так резко, что закружилась голова. Когда-то давным-давно так пахло у мамы на кухне.

Я прижала портфолио к груди, словно щит, и открыла дверь в бистро. Оно оказалось крошечным — всего на пятнадцать столов, на каждом из которых стоял стеклянный стаканчик со свечой. Силиконовые скатерти в красно-белую клеточку, пластиковые грозди винограда на стене и плохо нарисованные итальянские пейзажи.

Банальнее некуда, но еда здесь пахла не хуже маминой. Аромат обволакивал меня и навевал воспоминания о нашей кухне, о том времени, когда у меня была сестра. О времени, когда мы с ней ссорились и тягали друг друга за волосы, а потом, словно животные, бегали рядом с теплой плитой, уворачиваясь от мамы, которая пыталась наказать нас за хулиганство, легонько стукнув по лбам деревянной ложкой.

«Возвращайся домой, — прошептал голосок в моей голове. — Садись в поезд и возвращайся домой».

Но теперь дома все было иначе. После похищения сестры наша семья словно рухнула на дно холодной мрачной пропасти. От любви и тепла остались лишь осколки. Все мы были сломлены — мои родители, бабушки и дедушки, тети и дяди... Когда произошло невообразимое, моя большая, громкая итальянская семья лишилась своего голоса.

Начала ли мама снова готовить? Теперь я не имела представления о том, как течет жизнь дома; я не жила там уже шесть лет. Я сама себя отправила в ссылку. Чувство вины перед Розмари за то, что

я так невообразимо ее подвела, сделало из меня изгнанницу. Мама продолжала аккуратно настаивать, чтобы я приезжала, и ее слова манили меня. Пару раз в год я поддавалась и надеялась: хотя бы сейчас у меня получится поверить их словам, что я ни в чем не виновата. Но мои воспоминания вопили об обратном, и каждый визит заканчивался тем, что мое сердце наполнялось паникой и разрывалось на части. Из-за этих воспоминаний я променяла свой постоянно растущий город в Филадельфии на пустыни Невады, где все было мне совершенно не знакомо.

Атмосфера «Джованни» была мне очень знакома.

Волна печали и тоски по дому все нарастала, и мне захотелось выбежать на улицу. В этот момент меня окликнул бармен, стоявший за изогнутой стойкой из красного дерева, которая протянулась на всю длину ресторанчика.

— Какой вам столик, мисс?

Собираясь в Нью-Йорк, располагавшийся так близко к Филадельфии, я понимала, что рискую, и все же эта лавина эмоций оказалась почти невыносимой. Но я не была трусихой. Я была сильной. Крепким орешком — так называл меня папа. *«Крепким орешком, который никогда ни перед чем не пасует»*. Я решила, что не позволю воспоминаниям выгнать себя в холодную нью-йоркскую ночь.

— На одного, пожалуйста, — ответила я бармену. Это был полноватый мужчина в рубашке, жилетке и галстук с виноградными гроздьями.

Он кивком указал на крошечный квадратный столик в дальней части ресторанчика. Я присела и вдруг поняла, как сильно проголодалась. От этого осознания меня даже почти перестало колотить.

Я справлюсь. Смогу вести себя адекватно и что-нибудь съесть.

Я опустила портфолио на пол рядом с собой. Пламя свечи, стоявшей передо мной, колыхалось. Пока я изучала меню, помощник официанта молча принес мне воду в стакане из твердого пластика, в которой плавали два кубика льда.

Официантка — доброжелательная девушка с темно-каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу, и золотыми сережками-кольцами — приняла мой заказ: пасту зити и бокал домашнего красного вина. Я неплохо справлялась с поганой ситуацией, в которую угодила, пока официантка не вернулась и не опустила передо мной горячую пасту. «Точно такая же, как у мамы», — подумала я. Только мама добавила бы сюда слишком много базилика, и бабушка начала бы жаловаться, и они препирались бы из-за этого до конца вечера...

Мои глаза затуманились слезами. Грудь сдавило так, что я не могла протолкнуть воздух через горло. Я вскочила со стула и побежала по узкому коридорчику, который вел к туалетам. Дверь в женский оказалась заперта.

— Черт.

Потеряв способность мыслить здраво, я побежала по слишком ярко освещенной кухне, сквозь пар, мимо посудомойки, от которой пахло моющим средством, и, распахнув заднюю дверь, вылетела в крошечный переулок. Вдоль него тянулся ветхий деревянный забор. Напротив ресторанчика стояли контейнеры для мусора, доверху набитые пластиковыми мешками. Мелко и прерывисто вдыхая холодный воздух, я обхватила себя руками.

«*Соберись!* — приказала себе я. — *Господи, это же просто еда. Просто... все дело в этом городе. Ты облажалась, и что с того? Ты не первая наивная дуручка, которую Нью-Йорк прожевал и выплюнул, и, уж конечно, не последняя».*

Но в этой бравате не было никакого смысла. Меня ранило не то, что мой графический роман не приняли; я могла бы смириться с поражением, если бы дело было в том, что мой уровень недотягивал до их стандартов. Но услышать, что в нем нет души...

Нет души. В нем не было моей души; в нем были мои легкие, которым не хватало воздуха, пока я бежала за фургоном. В нем был мой голос, звавший на помощь изо всех сил — *«пожалуйста, кто-нибудь, черт побери, помогите!»* — потому что я бежала недостаточно быстро. Я кричала недостаточно громко. Я подвела Розы тогда, а теперь подвела ее еще раз. Я не смогла рассказать миру эту историю. Моя книга являлась просьбой о прощении, растянувшейся на сто с лишним черно-белых страниц, которые были раскрашены слезами и изрисованы сожалениями; все, что я не сделала в тот день, вылилось в эти картинки. Ярость моей героини — ее безжалостная жажда мести — стала моей единственной отдушиной.

Но все это оказалось отвергнуто.

— И какого черта мне теперь делать? — прошептала я.

— Не знаю, — тихо отозвался за моей спиной мужской хриловатый голос. — Как насчет того, чтобы не замерзнуть до смерти в этом вонючем переулке?

Я подпрыгнула от испуга и резко обернулась. У задней двери стоял высокий худой парень. На вид ему было, как и мне, года 24. Светлые волосы и щетина на подбородке. На нем была белая рубаш-

ка, черные брюки и белый фартук; в руке он держал мусорный пакет. Тот самый помощник официанта, который принес мне воду.

— У тебя все нормально? — спросил он.

— Ты меня до смерти напугал!

— Извини.

Он выбросил мусорный мешок в помойку, а потом покопался в заднем кармане брюк и выудил оттуда пачку сигарет.

— Что ты здесь делаешь?

Я пожала плечами и выпрямила спину, чтобы казаться увереннее и выше — насколько это позволял рост в метр шестьдесят.

— Решила, что это место не хуже других.

Парень зажег сигарету.

— Ты заблудилась?

Да, настолько, насколько это только возможно.

— Нет, просто вышла подышать воздухом.

Он бросил на меня ироничный взгляд.

— Чистым воздухом, наполненным ароматом мусора?

А он остроумный. Я любила это качество в людях, но в данный момент мне не было нужно ничего такого. Я зашагала к задней двери.

— Неважно. Извини, что помешала.

— Ты мне не мешаешь.

Он выдохнул, и из его ноздрей вылетели две струйки дыма. В холодном воздухе они тут же смешались с паром от его дыхания. Больше он ничего не сказал, но продолжил смотреть на меня из-под нахмуренных бровей невозмутимым — и вместе с тем внимательным — взглядом темно-синих глаз.

— Ты разве не должен работать? — поинтересовалась я.

— У меня перекур. — Он продемонстрировал мне сигарету. — Думал, это довольно очевидно.

— Справедливо.

— Хочешь сигаретку?

— Я не курю.

— Возможно, это к лучшему. Твоя еда остынет.

— И тогда мне не дадут десерт?

Уголок его губ дернулся вверх, и он присел на одну из трех ступеней, которые вели к задней двери ресторанчика.

— Что у тебя случилось?

— Просто хотела побыть одна, — ответила я. — Но, видимо, на это рассчитывать не приходится.

— Видимо, нет.

Я округлила глаза.

— Боже, до чего ты надоедливый.

Я вздрогнула от холода и глубже закуталась в пальто. В животе снова заурчало. Я вдруг вспомнила, что курение хорошо подавляет аппетит.

— Ладно, давай сюда свою сигарету.

Он снова достал из кармана пачку и подвинулся, освобождая мне место на ступеньке. Я опустилась рядом с ним и перекинула свои длинные волосы на другое плечо, чтобы не мешали. Потом взяла сигарету и стала наблюдать, как он поджигает ее для меня. При свете зажигалки его глаза переливались, словно темные сапфиры с сотней граней...

Моя грудь сжалась; я согнулась пополам и закашлялась, выпуская наружу облачко дыма.

— Ты в порядке?

Я энергично закивала.

— Давно не курила, — выдохнула я между приступами кашля. На глазах выступили слезы, и я вспомнила, за что не люблю сигареты. — Вкус паршивый.

Парень ухмыльнулся.

— Аккуратно вытащи ее изо рта, и я возьму ее обратно.

— Не надо, все в порядке. Думаю, это то, что мне сейчас нужно.

Я сделала еще одну затяжку и медленно выдохнула, чувствуя, как меня покидает часть тревоги. Мой голодный желудок снова угомонился.

Следующую минуту мы с помощником официанта молча сидели на крыльце и курили. Я поглядывала на него краешком глаза. Под длинными рукавами рубашки угадывались рельефные мышцы. У него была красиво очерченная линия челюсти, а прямая линия носа прерывалась небольшой горбинкой. Светлые волосы, длинные на макушке, были коротко острижены на висках. А его лицо, боже...

Он неприлично красив. Слишком идеальный. Словно герой комикса.

— У тебя есть имя? — спросил он, по-прежнему смотря куда-то перед собой.

— Зельда, — ответила я.

Он перевел взгляд на меня.

— Зельда? Как...

— Как в названии игры, «Легенда о Зельде»? — фыркнула я, выпуская дым через нос. — Я слышала этот вопрос примерно сто миллионов раз.

Парень пожал плечами.

— Я собирался сказать: как звали жену Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

— А, — произнесла я. — На самом деле... так оно и есть. Моя мама обожала Фицджеральда. Меня назвали в честь его жены. А мою сестру... — Я закашлялась, сделав вид, что во всем виноват сигаретный дым. — Розмари. В честь героини одной из его книг.

— «Ночь нежна», — отозвался он и, заметив мои округлившиеся глаза, отвел взгляд. — В течение последних пары лет у меня было много времени на чтение.

Я кивнула и не стала спрашивать, почему, а он не задавал мне вопросов о сестре. Честный обмен.

— А тебя зовут...? — спросила я.

— Линк¹, — сказал он и откинулся немного назад, словно уклоняясь от моего убийственного взгляда и тихого смешка. — Бекетт. Меня зовут Бекетт.

«Это имя идеально ему подходит, — подумала я, а потом сама себя отругала. — Откуда тебе знать? Не надо сходить с ума из-за симпатичного личика».

— Расскажи мне свою историю, Зельда, — попросил Бекетт.

— Нечего рассказывать, — отозвалась я. — Пришла, увидела, получила пинок под зад. Нью-Йорк — безжалостное место.

— Ты актриса?

— Художница.

Бекетт кивнул, выдыхая дым.

— А ты — актер? — поинтересовалась я. Внешность у него однозначно была соответствующая.

Он покачал головой.

— Я курьер.

— А. Круто. Курьер и помощник официанта. — Бекетт бросил на меня выразительный взгляд, и я приподняла руки в знак капитуляции. — Ничего плохого в этом нет. Честный заработок.

Он фыркнул.

— Ну да. Честный, — проговорил он, выплевывая каждое слово, а потом на минуту замолчал. — Но

¹ Главный герой в серии видеоигр «Легенда о Зельде».

я подрабатываю в ресторане только два раза в неделю. Чтобы чуть подзаработать.

— Я слышала, нужна куча денег, чтобы снимать здесь жилье.

— Ты правильно слышала.

Снова наступила тишина, но наше молчание нельзя было назвать совсем уж неловким. Я еще раз украдкой взглянула на точеный подбородок и темно-синие глаза Бекетта. Даже при скудном свете, проникавшем сквозь дверь, они все равно сияли. Бекетт был выше меня, и рядом с ним я ощущала себя защищенной. Я словно оказалась возле скалы, которая закрывала меня от холодного ветра, дувшего со стороны города. Хотя бы на время, пока я не докурила сигарету.

— Ты живешь на Манхэттене? — спросила я.

— Нет. В Бруклине. — Он снова посмотрел на меня. — Не поверишь, но в Нью-Йорке есть и другие места, помимо Таймс-сквер и Эмпайр-стейт-билдинг.

Я закатила глаза.

— Да неужели? А я только собиралась спросить, можно ли снять комнату на статуе Свободы.

Он почти улыбнулся.

— Ищешь, где жить?

— Нет, я уже все, — проговорила я. — И так вяпалась по уши.

Бекетт кивнул.

— Понимаю. Я работаю в двух местах, но в этом месяце мне все равно не хватает восьмидесяти баксов. Придется сдавать кровь.

Я округлила глаза.

— Ты сдаешь кровь, чтобы заплатить за квартиру?

— Иногда. В этом нет ничего страшного. В клинике на Семнадцатой авеню платят 35 долларов.

— Тебе все равно не хватит 45 долларов.

— Схожу еще в одну клинику. — Бекетт коротко усмехнулся, увидев беспокойство на моем лице. — Шучу. Я что-нибудь продам. Может, какую-нибудь пластинку. Хотя, конечно, не хотелось бы.

— Пластинку? В смысле, винил?

Он кивнул.

— У меня есть кое-что из классики, в основном от дедушки. Его коллекция досталась мне в наследство. А что-то я сам купил на распродаже. Люди не знают цену вещам и часто продают их задешево.

Я затынулась еще раз, но не глубоко. Меня начинало тошнить. Но, возможно, дело было не в сигарете, а в мысли о том, что этот парень продает ценное имущество — не говоря уже о собственной *крови*, — чтобы оплатить жилье.

Видимо, он заметил, с каким ужасом я на него смотрю, потому что беззаботно махнул рукой, разгоняя дым и мою тревогу.

— В этом нет ничего страшного.

— Почему ты не найдешь себе соседа по комнате? — спросила я.

— Я живу в студии площадью меньше сорока квадратных метров. Мне еще не встречался человек, с которым я смог бы делить это пространство больше недели, не захотев его убить.

Я понимающе кивнула.

— В Вегасе у меня своя комната в доме, который мы снимаем с десятью соседями. Из них я могу терпеть только двоих и то не всегда.

Я подняла глаза к ночному небу, подернутому дымкой городских огней и казавшемуся до невозможного глубоким и пустым.

— Зачем ты остаешься здесь, если это так тяжело?

Бекетт затянулся сигаретой, как будто давая себе время подумать над ответом.

— Я родился и вырос в Бруклине, — наконец проговорил он, по-прежнему не глядя на меня. — Куда еще мне идти? Даже если сменю город, останутся все те же проблемы.

Он наконец перевел взгляд на меня.

— А ты, значит, уезжаешь?

— Да, завтра на автобусе, — ответила я. — Остаться не получится. Я приезжала на собеседование — ну, что-то вроде того — и провалилась.

— На какую работу устраивалась?

— Ты считаешь это глупостью.

— Не исключено. — В его улыбке читалась ирония.

Я тихонько рассмеялась.

— А ты за словом в карман не лезешь. Я рисую графические романы.

Он бросил на меня непонимающий взгляд.

— Длинные комиксы с единой сюжетной линией, — пояснила я.

— Как «Ходячие мертвецы»?

— Именно. У меня есть макет одной истории, и я приехала, чтобы показать его паре издателей. Они все отказались. Ну как, один из них отказался *наполовину*, но это не имеет значения. Я не могу остаться в Нью-Йорке, чтобы внести в макет изменения. Да и если бы могла, все равно не знаю, что именно менять.

Бекетт изучал сигарету, которую сжимал между пальцами.

— Почему ты не можешь остаться?

— С чего бы начать? — Я бросила окурочек на землю и растерла его каблуком. — Потому что я не

умею планировать свою жизнь? Потому что у меня заканчиваются деньги? Потому что меня сегодня обокрали? Или потому что я наивно надеялась, что издатели придут в восторг от моей работы и тут же подпишут со мной контракт? Выбирай сам.

Бекетт качнул головой, и уголки его губ опустились в сочувственной гримасе.

— Постой. Тебя обокрали?

Я кивнула и махнула рукой, разгоняя остатки дыма. Жаль, что нельзя было так же легко избавиться от последствий своего поражения.

— Я приехала сюда в погоне за мечтой, как наивная дурочка, но быстро разбилась и обожглась.

— Ты хотя бы попыталась. Многие люди не делают и этого.

— Попыталась и облажалась.

— Так попробуй еще раз.

— Я бы и рада, — сказала я, скользя рассеянным взглядом по грязному переулку. — Мне кажется, я так близка к успеху... В последнем издательстве мне дали небольшую надежду. Если бы я смогла где-то перекантоваться пару недель, то у меня был бы шанс. Но это невозможно. Мне придется вернуться в Неваду.

— У тебя нет поблизости ни родственников, ни друзей?

Есть, и всего в двух часах на поезде.

— Нет, — ответила я и решила, что уже достаточно рассказала абсолютному незнакомцу. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы во мне опять начала подниматься эта страшная тоска по дому. Я встала и отряхнула с брюк пыль.

— Тебе не причинили вреда?

Я обернулась и опустила на Бекетта взгляд.

— Что?

— Ты сказала, что тебя обокрали, — тихо пояснил Бекетт, глядя мне прямо в глаза, как будто он заставлял себя выслушать мой ответ. — Они тебя саму не тронули?

— Нет, я... Нет. Меня там не было. Вещи украли из моей комнаты.

Он прислонился к стене и вздохнул, выпуская изо рта облачко пара. В этом звуке читалось облегчение.

— Мне очень жаль, Зельда.

Я нахмурилась.

— В этом же нет твоей вины. Как я уже сказала, этот город надрал мне задницу. Чем скорее я отсюда уберусь, тем лучше для всех причастных.

Бекетт растер подошвой окурков и поднялся на ноги. Ростом он был под метр девяносто, но я не чувствовала себя неуютно, стоя в его тени. Я ощущала...

Надежность. Рядом с ним мне казалось, что я в безопасности.

— Сможешь добраться до того места, где ночуешь? — спросил он.

— Повторю весь путь, которым добиралась сюда, только наоборот, — отозвалась я, пряча за сарказмом тревожные мысли. Потому что так я привыкла создавать иллюзию безопасности.

Бекетт внимательно смотрел на меня еще несколько мгновений, после чего, видимо, пришел к какому-то заключению.

— Хорошо.

Он провел меня через кухню и придержал вращающуюся дверь, которая вела в ту часть бистро, которая была для меня открыта. На секунду меня окутал его мужской запах — смесь холодного воздуха, сигаретного дыма и одеколona.

— Удачи, Зельда.

— Спасибо... — сказала я, делая глубокий вдох. Через мгновение я пришла в себя и выкрикнула: — И тебе! — как раз в то мгновение, когда дверь между нами закрылась.

По сравнению с улицей в ресторане было тепло и уютно. Посетителей почти не осталось. Управляющий стоял у кассы и подсчитывал выручку, а на другой стороне бармен вынимал тарелки из посудомоечной машины. Кто-то упаковал мою еду. Портфолио — слава Богу! — лежало под столом, на том самом месте, где я беспечно его оставила.

Наконец в моей жизни наступила чертова светлая полоса.

Я заплатила по счету и вышла на зимний холод. Пар от моего дыхания казался таким же густым, как дым от сигареты Бекетта. Я закуталась поглубже в пальто.

И что теперь?

Пора возвращаться в свой мерзкий хостел на бесплатную ночевку. Я представила, как на следующий день буду стоять на автобусной остановке, собираясь обратно в Вегас с вещами в мусорном пакете и поджатым хвостом. На самом деле эта ночевка в хостеле досталась мне не бесплатно. Я заплатила за нее новым чемоданом, художественными принадлежностями и чувством собственного достоинства.

Чувствуя, как щеки горят от стыда, я повернула направо и зашагала по улице. Я сказала Бекетту, что вернусь тем же путем, которым ехала сюда, но только вот с ориентированием на местности у меня все было отвратительно. Я не узнавала дорогу и по сравнению с высокими зданиями ощущала себя очень маленькой. И потерявшейся.

На углу я остановилась и вытащила телефон, чтобы скачать одно из приложений с транспортной картой города, о котором говорили мне друзья. Ожидая, пока оно загрузится, я услышала голоса перед ресторанчиком «Джованни». Бекетт прощался с барменом и официанткой, держа на плече велосипед. Потом он опустил его на тротуар и снял шлем, висевший на руле. Застегивая ремешок, он обернулся в мою сторону.

Я быстро перевела взгляд на телефон.

Краем глаза я видела, как Бекетт проходит разделявшие нас шесть метров или около того, везя за собой велосипед. Он переоделся, и теперь на нем были черные водонепроницаемые брюки и темно-синяя потрепанная ветровка. Он носил рюкзак не за плечами, а перекинув через грудь ремень, к которому было прикреплено что-то, похожее на портативное радио.

— Все хорошо? — спросил он.

— Зашибенно.

Я стукнула пальцем по картинке, изображавшей маленький белый автобус на ярко-зеленом фоне. Приложение выдало мне список автобусов, линий метро, станций и остановок, рядом с которыми было указано по несколько вариантов времени отправления.

— Вызываешь такси? — поинтересовался Бекетт.

— Нет, я...

Я прикусила язык, чтобы не выругаться. Я понятия не имела, как разобраться в этом чертовом приложении.

— Мне просто нужно понять, как добраться до станции метро Астор.

— Я тоже иду туда, — сказал Бекетт. — Я тебя провожу.

Я подняла на него взгляд.

— Проводишь?

— Да, как я только что сказал.

— Спасибо, не надо. Я сама справлюсь.

Бекетт пожал плечами.

— Как хочешь.

Но вместо того чтобы сесть на велосипед, он зашагал — очень медленно — в противоположном направлении относительно того, которое выбрала я. Фыркнув, я поплелась вслед за ним.

— Тебе необязательно это делать, — произнесла я, держась от Бекетта в хороших десяти метрах.

— Что делать? — Он бросил на меня взгляд через плечо. — Почему ты идешь за мной, Зельда? Неужели потому, что нам уезжать с одной станции метро?

Я закатила глаза и сильнее сжала в руке портфолио. На светофоре не вовремя загорелся красный свет, вынуждая меня поравняться с Бекеттом.

— Только до станции, — сказала я.

Бекетт кивнул, и на его губах заиграла еле заметная улыбка.

— Только до станции.

Следующий квартал мы прошли в тишине. Пакет с едой постоянно ударялся о мое бедро, и я подошла к урне, чтобы его выбросить. Я не смогла съесть пасту, даже когда ее только приготовили, и впихивать в себя холодные объедки в мерзком номере хостела уж точно не собиралась.

— Подожди, — остановил меня Бекетт. — Ты не будешь это есть?

— Нет.

Он протянул ко мне руку.

— Тогда дай мне.

Я отдала ему пакет, чувствуя себя последним дерьмом из-за того, что впустую перевожу еду.

— Я не для себя, — произнес Бекетт, не глядя на меня, и застегнул рюкзак, прежде чем снова повесить его через плечо. Мы снова побрели к станции.

Через три квартала мы подошли ко входу в метро, который выглядел смутно знакомым — видимо, я действительно была здесь пару часов назад. Бекетт поднял велосипед на плечо и начал спускаться по ступенькам. Желтая краска на велике кое-где обтерлась, а один из катафотов на заднем колесе треснул. Сам велосипед казался легким, но крепким — словно гибрид гоночной и внедорожной моделей, с прямым рулем вместо стандартного изогнутого. Хотя рама и крылья выглядели слегка помятыми, на цепи и шестернях не было и следа ржавчины. Похоже, Бекетт хорошо заботился о важных для себя вещах.

— Ты всегда берешь с собой велосипед, когда едешь на метро? — поинтересовалась я, наблюдая, как он опускает велик на пол внутри станции.

— Приходится. С утра капец как неудобно, но пока отсюда до Бруклина не проложат маршрут поудобнее... — Он пожал плечами.

— Ты живешь в Бруклине, но работаешь на Манхэттене?

— Шесть дней в неделю.

Он кивнул головой в сторону карты, висевшей на цементной стене рядом с автоматом по продаже жетонов.

— Где ты остановилась?

Я поджала губы.

— В гостинице под названием «Не твое дело».

— Тебе всегда так трудно принимать помощь от других людей? — спросил Бекетт. Его синие глаза мерцали в желтом искусственном свете метро.

— Мне не трудно принимать помощь, — отозвалась я. — Просто я осторожная. Чувствуешь разницу?

— Это разумно, — согласился он. — Но ты явно не ориентируешься в городе. Хотя бы скажи, в каком ты живешь районе, и я покажу, на какой поезд тебе нужно сесть.

— Восьмая авеню, рядом с Портовым управлением, — уступила я, мысленно убеждая себя, что его забота несколько меня не растрогала.

Бекетт нахмурился.

— Туда и оттуда всегда едет много людей. Ночью это может быть небезопасно. А сейчас уже поздно.

Он подошел к бетонной скамейке и присел, приклонив велосипед к коленям, после чего достал из кармана телефон.

— Как называется твоя гостиница?

— Это не гостиница, а хостел. «Парксайт». Но тебе не нужно...

— Отлично. Я поеду с тобой.

Я непонимающе моргнула.

— Ты поедешь *со мной*?

— Ой, извини. Я хотел сказать, что сегодня ночью мне как раз нужно в хостел «Парксайт». — Он посмотрел в экран телефона и промотал что-то вниз большим пальцем. — Можешь пойти со мной, если хочешь.

— Не нужно этого делать, — сказала я. — Я не очень знаю Нью-Йорк, но даже я понимаю, что мне нужно ехать в противоположном направлении от Бруклина.

— Ага, это даже другой округ.

Я нахмурилась, не зная, что сказать. Наконец я присела рядом с ним на холодную бетонную скамейку.

— Я не понимаю: ты пытаешься вести себя как рыцарь или как сталкер?

— Ни то, ни другое, — сообщил он. — Если я проснусь утром и прочитаю в рубрике происшествий, что тебя ограбили по пути в хостел, то буду чувствовать себя последним козлом. Так что я делаю это ради себя, а вовсе не ради тебя.

— Лааааадно... Спасибо?

— Не за что.

Мне в голову пришла примерно сотня остроумных вариантов ответа, но я не смогла произнести ни один из них. Я никогда не встречала никого похожего на этого парня. На Бекетта.

— В Нью-Йорке все такие, как ты? — поинтересовалась я.

— А какой я? — спросил Бекетт, не поднимая на меня глаз.

— Если бы я тебя рисовала, то ты был бы Загадочным Мужчиной. Тем, кто едет в другую сторону от дома, чтобы отвезти попавшую в беду даму в ее дерьмовый хостел в мерзком районе, и ничего не просит взамен.

— Считаешь, мне нужно попросить награду?

Прежде чем я успела ответить, Бекетт обернулся ко мне, и его синие глаза впились в мои.

— И я получу кое-что взамен. Спокойствие. Я же тебе говорил, что делаю это ради себя.

Я поджала губы. *Кажется, здесь скрывается какая-то история.*

Раздался пронзительный скрип: к станции подошел поезд.

- Мне садиться? — спросила я.
Бекетт бросил взгляд на телефон.
— Нет, твой поезд — следующий.

Мы снова погрузились в тишину. Бекетт на меня не смотрел, и только наши локти время от времени соприкасались. Но несмотря на его отчужденность, в его присутствии я по-прежнему чувствовала себя защищенной.

К станции подъехал еще один поезд, обдав нас волной теплого, пахнущего алюминием воздуха.

— А вот это твой, — произнес Бекетт и засунул телефон во внутренний карман ветровки.

Он подошел к поезду, везя рядом с собой велосипед. Людям, стоявшим у двери, пришлось расступиться, но никто и слова не сказал по этому поводу, а Бекетту, судя по его виду, в любом случае было все равно.

Я зашла в поезд вслед за ним, и он кивнул в сторону свободного сиденья в паре рядов от нас. Я присела, снова придя в замешательство от его странных рыцарских манер. Поезд тронулся, и я крепче прижала портфолио к груди. Бекетт держался за поручень, прислонив велосипед к бедру. Когда поезд поворачивал, он оставался практически неподвижным, словно моряк на палубе судна. В отличие от меня Бекетт не впивался безумным взглядом в карту остановок, висевшую рядом с дверью, но, когда поезд замедлился в третий раз, он обернулся ко мне.

- Твоя остановка.

«Наша остановка», — мысленно поправила его я и двинулась следом за ним. Мы прошли по станции и поднялись по ступенькам на улицу, снова оказавшись на ночном холоде.

- Адрес? — спросил он.

— Если я не скажу, ты просто загулишь название, которое я так неосмотрительно тебе дала, да?

— Если ты его скажешь, будет гораздо быстрее, — отозвался он, и в его глазах сверкнула еле заметная усмешка.

Я вздохнула и назвала ему адрес. Бекетт немедленно зашагал вперед, как будто ему уже сотню раз приходилось бывать в хостеле «Парксайд». Это так меня удивило, что я не смогла промолчать.

— Ты здесь когда-то останавливался?

— Нет.

— Так откуда ты...

— Я не знаю, где этот хостел, но знаю перекрестки. — Он постучал по рулю велосипеда. — Это же моя работа.

— А. Ну да. Логично.

Я решила молчать, чтобы из моего рта не вырвалось что-нибудь еще более глупое. Если честно, я была благодарна Бекетту, что он пошел со мной. На улице было темно, и всюду лежали тени. Я прижимала к себе портфолио и шагала вперед, держась так близко от Бекетта, насколько могла, чтобы со стороны не *выглядело* так, будто я хочу идти рядом с ним.

Бекетт шел спокойно, но постоянно смотрел вперед и по сторонам внимательным, настороженным взглядом. Создавалось впечатление, что его тело идеально знает город и двигается на автопилоте, но при этом его ум держит ситуацию под контролем. Вскоре на нашем пути показался бездомный, гревшийся у вентиляционной решетки метро. Когда мы к нему приблизились, он внезапно прохрипел, нет ли у нас лишней мелочи. Я испуганно отпрыгнула назад. Бекетт тоже остановился, но только для того, чтобы вытащить из кармана штанов несколько долларов.

— Доброй ночи, мужик, — произнес Бекетт, вложив купюры ему в руку и продолжив шагать вперед.

Бездомный пробормотал что-то в ответ и зашаркал в противоположном направлении.

Я открыла рот и закрыла его, ничего не сказав. *Ему не хватает денег на квартиру, и он при этом раздает людям мелочь?* Конечно, можно было предположить, что он соврал насчет своего положения, но я так не думала. Он отдал этому мужчине деньги точно в такой же манере, в какой провожал меня сейчас до хостела — как будто у него не было выбора.

Мы добрались до хостела «Парксайт». Стойка регистрации пустовала, но у меня был свой ключ.

— Ну все, вот мы и пришли, — произнесла я. — Спасибо, что проводил, особенно учитывая, что тебе нужно было ехать в другую сторону.

— Без проблем, — отозвался Бекетт. Его взгляд скользнул по улице, потом опустился к кроссовкам и наконец снова обратился ко мне. Между нами сгущалась тишина. В тусклом желтоватом свете синие глаза Бекетта казались почти что фиолетовыми. Он открыл рот, как будто хотел нарушить эту тишину, но в следующую секунду снова его закрыл.

— Доброй ночи, Зельда, — проговорил он, залезая на велосипед.

Он умчался прочь на такой скорости, на которой явно не стоило ездить по ночным улицам. Но держался он абсолютно уверенно, как профессиональный велогонщик. Он повернул велик плавно, как ручей, и быстро, как молния, и через пару мгновений исчез из вида.

Я еще долго вглядывалась в темноту, в которой он скрылся. Я знала, что никогда больше его не увижу, но не могла понять, как к этому относиться. Чувство,

давившее мне на грудь, нельзя было назвать сожалением. Оно скорее напоминало... ностальгию? Как будто мне уже его не хватало.

Ощущение того, что я в безопасности, исчезло. Его мне не хватало тоже.

Я устало поднялась в свою комнату и плюхнулась на тонкий матрас; под моим весом пружины жалобно запищали. Достав телефон, я начала набирать номер Руперта — моего самого надежного соседа (правда, это не означало, что на него можно положиться). Мне нужно было, чтобы через пару дней он встретил меня на автовокзале в Северном Вегасе.

— О, привет, Зэл, — поздоровался со мной Руперт. На фоне было слышно музыку и громкие голоса. — Как ты? Как у тебя складывается с «Большим яблоком»?

Я нахмурилась. Он говорил, как парень, который прячет в шкафу подружку, потому что его девушка не вовремя заявила домой.

— Не так хорошо, как я надеялась, — ответила я. — Возвращаюсь в Вегас через пару дней. Хотела попросить, чтобы ты забрал меня с вокзала.

— Возвращаешься? — Звуки на фоне стали приглушенными: это значило, что Руперт закрылся в маленькой кладовке, находившейся рядом с кухней. — Черт, Зэл, это проблема.

— И не говори, — пробормотала я, а потом приподнялась и села. — Подожди. Проблема для меня или для тебя?

— Эээ, ну...

— Руперт, что происходит?

— Ну, я как бы сдал твою комнату.

Я едва не выронила телефон.

— *Что ты сделал?*

— Ты сказала, что точно останешься в Нью-Йорке!

— Я сказала, что *возможно* точно останусь в Нью-Йорке. — Я замолчала, понимая, что говорю бред, и раздраженно качнула головой. — Но это неважно. Еще я просила пока ничего не делать с моей комнатой и ждать от меня звонка. *Как раз вот этого звонка.*

— Успокойся. Найдешь себе другое жилье. Можешь...

— Без залога и оплаты за первый месяц — *не могу*, — сказала я. — Вот дерьмо. Не это мне хотелось сейчас от тебя услышать.

— Извини, Зэл, я виноват. Диван в твоём распоряжении, — проговорил Руперт. — Можешь ночевать там столько, сколько нужно. Или можешь спать в одной кровати с Черил, пока не найдешь что-нибудь получше.

— Как великодушно с твоей стороны, — произнесла я, проводя рукой по глазам.

— А что?

— Ничего.

— Зэл, ты же знаешь, как тут все устроено. Люди приходят и уходят... — Я практически слышала, как Руперт пожал плечами. — Мы думали, что ты ушла.

— Но вышло не так. — Я закусилась щеку, сдерживая слезы, подступившие к горлу. — Чтоб через три дня притащил свою задницу на автовокзал. Я позволю и скажу время.

Даже через телефон меня обдало накрывшим Руперта облегчением.

— Без проблем. Только скажи, когда нужно быть. Я приеду.

СТАНЬ МОИМ ЗАВТРА

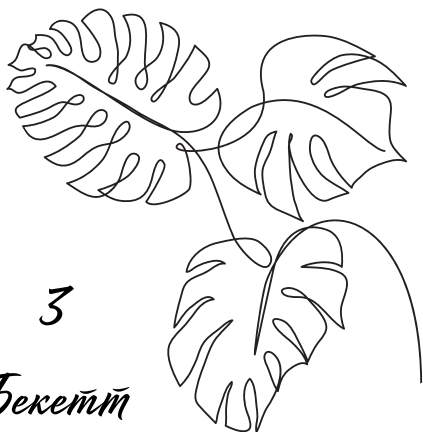
Короткая пауза.

— И слушай, Зэл... Мне жаль, что с Нью-Йорком не вышло. Издатели не знают, что потеряли.

Я попыталась сказать спасибо, но из горла вырвался лишь хриплый шепот. Я закончила звонок и уронила телефон на потрепанное покрывало.

Подвинувшись к окну, я уставилась в кирпичную стену соседнего здания. Чтобы увидеть небо, мне пришлось наклонить голову и вытянуть шею. Звезд не было — одна лишь скучная черно-синяя полоса, холодная и безучастная.

29 ноября

Для вечера пятницы поезд метро до Бруклина был практически пуст. На улицах моего района в неприглядном уголке Уильямсберга тоже царил тишина, если не считать обогнавшего меня парня, который орал что-то в телефон, и воя сирены вдалеке. В Нью-Йорке постоянно вдалеке воеет хотя бы одна сирена.

Дорога к моему дому лежала мимо десяти таких же сдаваемых в аренду многоквартирных домов. Некоторые из них были кирпичными, другие — бетонными, и почти все — изрисованными граффити. Закинув велосипед на плечо, я поднялся по лестнице на свой второй этаж. В узком коридоре моргали и жужжали люминесцентные лампы. Я остановился перед дверью квартиры 2С, снял с плеча рюкзак, растянул его и достал пакет с недоеденным ужином Зельды. К счастью, коробка внутри него была в полном порядке. Еда даже еще не до конца остыла.

Я постучал в дверь.

Полминуты спустя я услышал, как скрипят половицы и отодвигается щеколда. Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и из образовавшейся щели на меня уставились два зорких карих глаза, окруженных густой сетью морщинок.

— Здравствуйте, миссис Сантино, — поздоровался я. — Вот принес вам кое-что. Надеюсь, вы не против поесть итальянской еды. — Я глянул на часы. — В двадцать минут первого ночи.

Она шмыгнула носом и захлопнула дверь. Загрелась цепочка, и дверь открылась снова, на этот раз достаточно широко, чтобы миссис Сантино смогла выхватить пакет из моей руки. Поджав губы, она пробежала по мне взглядом вверх-вниз, а потом опять шмыгнула носом и закрыла дверь.

Я усмехнулся и покачал головой.

— Доброй ночи, миссис Сантино.

Подойдя к квартире 2Е, я открыл замок и щелкнул выключателем. Крошечную прихожую залил неприятный свет от единственной люминесцентной лампы под потолком. Я провез велосипед по тонкому ковровину и оставил его в углу рядом с ванной.

Всего десять шагов, и я оказался на кухне. Достав бутылку воды из маленького холодильника, сделал жадный глоток и подошел к окну. Мой бруклинский квартал дремал в сгущавшейся ночи, которая все равно не сможет накрыть его абсолютной тьмой — не позволят городские огни.

Зельда была где-то там, на Манхэттене, по другую сторону реки. В хостеле, который она окрестила «дерьмовым». Хотелось верить, что в безопасности. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Я сыграл свою роль. Проводил ее до дверей.

Береги себя, Зельда.

Я присел за небольшой стол у окна, внезапно охваченный неодолимым желанием поговорить. «*Выразить себя*», как говорила миссис Браунинг, моя школьная учительница английского, постоянно подталкивая меня к писательству.

«Выражай то, что чувствуешь, Бекетт. Сними замок со своего сердца. Твои слова прекрасны. Они обладают силой».

Тогда все это казалось мне высокопарной ерундой, но за прошедшие годы я так и не забыл ее совета. Мне хотелось верить, что слова действительно обладают силой. Способностью изменить прошлое. Починить то, что было сломано. Исцелить. Если я запишу их на бумаге, возможно, им удастся сотворить какую-нибудь магию с человеком, который их прочитает.

У меня был только один читатель. Миссис Джей. Месяц уже подходил к концу, а я еще не написал ей письмо. Просто до сегодняшнего вечера не знал, о чем написать.

Я достал из ящика ручку и бумагу.

29 ноября

Дорогая миссис Джей,

В старшей школе со мной училась девочка, которую звали Ханна Уолтерс. Ханна хотела стать актрисой, и, если бы отец-придурок не убедил ее поступать на юриста, сейчас она бы блистала в Голливуде. Или, может быть, на Бродвее. Она получала главную роль во всех школьных пьесах. Другие девочки всегда злились, что ей достается вся слава, но только до премьеры. Потом даже они понимали, что Ханна ее заслужила.

СТАНЬ МОИМ ЗАВТРА

Мы были в выпускном классе. Весной того года в нашей школе PS 241 решили поставить пьесу "Расёмон". Вы ее видели? По ней еще сняли фильм. В общем, это японская история о самуре, его жене и одном бандите. Бандит убивает самурая и насилует его жену. Ну, по крайней мере, так гласит одна версия. В другой версии жена соблазняет бандита и помогает ему убить самурая. А еще в одной самурай убивает себя сам. Каждый человек — бандит, жена и мертвый самурай (с помощью медиума, который может общаться с духами) — рассказывает свою историю, после чего зрители задаются вопросом: кто же из них говорит правду?

Мы с друзьями решили напиться и прийти на премьеру. Мы не собирались смотреть, просто хотели поржать. Но пьеса оказалась слишком хороша. Смеяться было не над чем. Мои друзья ушли после второго акта, чтобы сохранить лицо. Я остался до того момента, как опустился занавес.

Ханна Уолтерс играла медиума. Выйдя на сцену, она превратилась в какое-то одержимое, почти призрачное существо. Она извивалась и взывала к духам, пока погибший самурай не начал рассказывать свою историю ее устами. Она была одета в белые лохмотья, которые сияли в огнях рампы. Ее лицо казалось очень бледным, а глаза превратились в темные, черные ямы, способные заглянуть в загробный мир. Ее голос срывался на крик, как будто дух, говоривший ее голосом, причинял ей физическую боль. Я сидел как зачарованный и не мог оторвать от нее глаз.

После представления я подошел к Ханне и сказал, что на сцене больше не на что было смотреть, кроме нее. Вместо ответа она меня поцеловала. Мне кажется, она была пьяна успехом, с которым прошла пьеса — или, возможно, под кайфом от собственного выступления. Мне было плевать. Я поцеловал ее в ответ, чувствуя на ее губах меловую белизну грима. Я словно попробовал на вкус толику той магии, которую она создала.

ЭММА СКОТТ

Мы встречались целых три месяца, пока ее папа не сказал, что отрежет мне член садовыми ножницами, если еще раз увидит меня рядом с ней. Я был недостаточно хорош для его дочери. Слишком беден. Слишком груб. Высокий парень в потрепанной одежде, живший с больным дедушкой, которому не хватало сил, чтобы его дисциплинировать.

Расставание с Ханной не стало наиглавнейшим событием в моей жизни. Но любил ли я ее? Не знаю. Ее игра в "Расёмоне" запомнилась мне почти так же ярко, как она сама. Но в Ханне жила какая-то магия. Мне кажется, именно это в ней я и любил.

С тех пор у меня было немало женщин. Уточню: мы вместе спали. Ничего серьезного. Ничего, что мне хотелось бы сохранить. Ни в одной из них не жила магия. Это звучит банально? Возможно; но в этом мире слишком много дерьма, поэтому, когда находишь нечто, сияющее посреди грязи и тьмы, начинаешь к этому стремиться.

Сегодня вечером я встретил девушку.

Сначала я не увидел в ней ничего магического — абсолютно ничего. На самом деле, она была той еще занозой в заднице. Но остроумной. Ростом метр с кепкой, очень красивая, с большими зелеными глазами — кажется, во многие мили глубины. Длинные черные волосы, похожие на шелк. Мне пришлось бороться с желанием к ним прикоснуться.

Она уезжает из Нью-Йорка уже завтра. Собеседование прошло неудачно, и это печально. Но, черт, она молодец, что попыталась! Попробовала выстрелить и промахнулась, но хотя бы не побоялась рискнуть. Она художница. Рисует комиксы. Я хотел задать ей миллион вопросов. Хотел спрашивать еще и еще, потому что не сомневался: я могу говорить с Зельдой дни напролет, но вещи, которые я хочу о ней узнать, не будут заканчиваться.

Да, ее зовут Зельда. Фамилию я не знаю. Потому что не задал ей этот вопрос — как и сотни других вопросов, ко-

СТАНЬ МОИМ ЗАВТРА

торые вертелись на языке. Она уезжает из Нью-Йорка, но я промолчал не поэтому. Все дело в вас, миссис Джей.

Видите ли, наша история немного напоминает "Расёмон". В ней три действующих лица: вы, ваш муж и я. Жена, мертвый самурай и бандит, который его убил. Только в отличие от пьесы, нашу историю можно трактовать только одним образом. Придя домой, вы обнаружили там грабителей. Сердце вашего мужа не выдержало, и он умер. Другой версии нет.

Я не позвал ту девушку — Зельду — выпить со мной кофе. Не спросил у нее номер телефона. Я проводил ее до хостела и ушел. Ведь стоило ей задать мне пару вопросов, как выяснилось бы, что я преступник, осужденный на два года за вооруженное ограбление. Вряд ли это произвело бы на нее приятное первое впечатление. Здесь нет места магии.

Да и вообще, кто я такой, чтобы позволить себе хотя бы попытаться завести отношения с девушкой? Вы были замужем за мистером Джей в течение двадцати семи лет. Я помню из отчета окружного прокурора. Но мы с друзьями — с моими друзьями-бандитами — положили всему конец, так ведь? Я принял в этом участие.

Мертвый самурай остается мертвым. Этот факт не меняется, кто бы ни рассказывал историю.

Мне жаль. Мне так жаль. Это тоже никогда не изменится.

Бекетт Коупленд

Я перечитал письмо, положил его в конверт и подписал «Миссис Джей» своим крошечным, аккуратным почерком. Дедушка говорил, что мой почерк один в один напоминает шрифт печатной машинки. На самом деле печатной машинки у нас не было, а позволить себе компьютер мы не могли, поэтому я писал все школьные работы от руки.

Я бросил конверт на стол и обвел комнату взглядом, пытаясь увидеть ее глазами моего инспектора

по надзору — завтра Рой собирался нанести мне ежемесячный визит. Нужно было немного убраться, поэтому я присел на корточки рядом с коллекцией виниловых пластинок, стоявших у стены рядом с письменным столом. Раньше их было больше, но зимний сезон начался тяжело. Для курьерских компаний вообще и для службы «Аполлон», в которой я работал, в частности.

Я выбрал пластинку с лучшими хитами группы Journey и поставил ее на свой двухскоростной виниловый проигрыватель Crosley C10. На eBay пишут, что я могу получить за него 400 долларов, но я скорее продам почку, чем его.

Я опустил иголку на пластинку. Раздалось потрескивание, а потом квартиру заполнили звуки песни «Don't stop believing». Я убрал кое-какие вещи, помыл пару тарелок и положил грязную одежду в пакет, чтобы потом постирать. Песня еще не успела закончиться, а я уже все сделал. Если бы в такой маленькой комнате была куча хлама, я бы с ума сошел.

Слушая музыку, я приоткрыл окно и выкурил сигарету. Хороший альбом. Немного банальный, но мне иногда кажется, что мы называем «банальным» то, что людям удалось объяснить самым простым образом.

Don't stop believing. Не переставай верить.

Вот и все. Никаких метафор. Никакой поэзии. Понятный совет, за который в любом ломбарде дадут долларов тридцать пять. Вероятно, мне придется заложить эту пластинку, хотя я буду по ней скучать.

— Но по крыше над головой ты будешь скучать больше, — сказал я себе, туша сигарету о подоконник.

Рою не нравилось, когда в квартире пахло сигаретами, поэтому я оставил окно открытым еще минут

на пять. Отопление опять барахлило, так что вскоре от каждого моего выдоха стало подниматься облачко пара. Я захлопнул окно и пнул находившийся под ним радиатор. В ответ он застонал, и наружу вырвалось немного теплого воздуха. Его хватило, чтобы минуту погреть руки, а потом обогреватель вернулся в свой обычный режим — тепла будет достаточно лишь для того, чтобы я за ночь не отморозил себе яйца.

Я нехотя снял утепленную ветровку и непромокаемые штаны и быстро натянул спортивные штаны и две футболки. Напялив сверху толстовку, я залез в кровать, завернулся в одеяло и начал ждать, когда наконец согреюсь. Знакомая холодная боль дрожью прошла по моей коже, а потом сконцентрировалась внизу живота.

Я хотел, чтобы в постели со мной была женщина.

Я задумался, не найти ли девушку на завтрашнюю ночь, но потом откинул эту идею прочь. Это повлекло бы за собой сложности, которые мне были не нужны. Как я и сказал миссис Джей, о том, чтобы заводить серьезные отношения, не могло идти и речи.

Но все-таки мне этого хотелось. Я хотел слышать чье-то дыхание, кроме своего собственного. Хотел обнимать женщину и прижимать ее к себе. Чтобы она крепко обвила меня руками и ногами, и наши тела защищали друг друга от холода. Справляться с зимой в одиночестве будет тяжело. А вот если бы вдвоем, вместе с кем-то...

Вместе. Слово, которое я никогда не использовал.

— Смирись, — прошептал я в холодную подушку. Подушка миссис Джей тоже была холодной. А кровать — пустой. Из-за меня ей теперь тоже не приходилось пользоваться словом «вместе».

Я провалился в сон, и мне снилась Ханна Уолтерс в роли кричащего медиума. Только ее устами говорил не мертвый самурай, а мистер Джей.

Ханна носилась по сцене, изображая мужчину среднего возраста, ошарашенного тем, что четыре вора грабят его особняк. Рука Ханны прижалась к груди, когда у мистера Джей случился сердечный приступ. Ханна закричала. А может быть, это кричала миссис Джей, глядя, как ее муж падает на пол. Как жизнь покидает его глаза еще до того, как его голова ударяется о половицу.

Я следил за разворачивавшейся драмой так же замороженно, как когда-то в школе за сюжетом «Расёмона». Не мог отвернуться. Я должен был стать свидетелем того, что натворил.

«Не отводи глаз, смотри!» — вопила Ханна.

«Смотри, как умирает человек...

... и знай, что это случилось из-за тебя».

Ровно в восемь утра в дверь позвонили. К тому времени я успел встать, одеться и уже заваривал кофе. Когда я открыл дверь, лицо Роя Гудвина расплылось в улыбке. У него были усы, как у Тома Селлека, а одевался он обычно как учитель по общественному знанию — его гардероб мог похвастаться обилием синтетических брюк и рубашек на пуговицах. Иногда он даже надевал жилет.

Но этим утром никаких жилетов. Рой стянул с себя ветровку, зацепившись за значок департамента исполнения наказаний, который был прикреплен к карману его рубашки.

Я не сомневался, что некоторые из досрочно освобожденных, находившихся под опекой Роя, считали его мягким человеком. Возможно, особо отчаявшиеся даже пытались его обдурить. И зря. Несмотря на полноватую фигуру, Рой был хорошо обучен и умел быстро реагировать. Раньше он работал в ФБР, но пять лет назад решил перевестись на должность инспектора по надзору. Сказал, что хватит с него гоняться за преступниками — пора начинать им помогать. На мой взгляд, получалось у него неплохо.

— Как дела, Бекетт? — спросил Рой, засовывая доску-планшет под мышку и потирая одной рукой другую.

— Не жалуюсь, — отозвался я. — Как Мэри?

— У нее все чудесно. Передает тебе привет.

— И вы ей от меня передавайте, — сказал я. — Будете кофе?

— Да, спасибо, — ответил Рой. — Нас ждет адски суровая зима, я уже вижу.

Он окинул взглядом мою крошечную полупустую квартиру.

— Я приступлю к делу, пока ты заварить мне чашечку, ладно? Один пакетик сливок и без сахара.

— Понял.

Я занялся приготовлением кофе, а он направился в ванную. Проверил душ, корзину для белья, выдвижные ящики под раковиной и медицинский шкафчик. Он работал обстоятельно, но с уважением, что я очень ценил. Мой первый инспектор по надзору был козлом, который каждый раз переворачивал мою квартиру вверх дном, как будто производил обыск для телевизионного шоу о копах. Он наблюдал за мной всего месяц, а потом меня перевели к Рою.

Я так и не узнал почему. Сам я, конечно, никаких дурацких жалоб не оставлял.

Рой вышел из ванной, делая записи на планшете. Засунув его обратно под мышку, он опустился на четвереньки, чтобы заглянуть под мою кровать. Он осмотрел обе диванные подушки, пространство под кофейным столиком и содержимое единственного ящика. Потом, словно в награду за труды, его пальцы пробежали по моей коллекции пластинок. Он присел на корточки и вытащил альбом «Chicago 17» группы Чикаго.

— Ого. Вот это находка.

Он поднял на меня взгляд.

— Только не говори, что кто-то сдал эту красотку на уличную распродажу.

— Нет, это пластинка из дедушкиной коллекции, — сказал я. — Понятия не имею, где он ее нашел и почему заинтересовался. Ему больше нравилась музыка в духе Фрэнка Синатры. Хотите, поставлю?

— Ты еще спроси, срут ли медведи в лесу. Еще бы!

Рой передал мне пластинку и, пока я ставил ее на проигрыватель, сделал еще несколько заметок на планшете.

— Ну, теперь можно и кофе попить, — проговорил он, улыбнувшись мне сквозь усы. Комнату заполнили звуки песни «You're the inspiration».

На одно мгновение меня охватило странное чувство, словно я стал героем комедийного сериала из 80-х, где папа всегда относится к сыну с пониманием, как бы сильно тот ни лажал, и где у каждой серии есть счастливый конец.

«У тебя крыша едет, Коуплэнд, — подумал я. — Все дело в песне и в усах, как у Тома Селлека».

От этой мысли я улыбнулся. Ро, как обычно, провел обыск так, чтобы на меня не давить. С другой стороны, я тоже не усложнял ему задачу: у меня не было ни картин на стенах, за которыми могли лежать пакетики с наркотой, ни ваз, в которых могло быть спрятано оружие. Никаких дурацких украшений.

Рой присел на крохотный диванчик, напротив которого на двух пластиковых коробках стоял еле живой плоскоэкранный телевизор. Я опустился на ветхий стул слева от него. Комната была такой маленькой, что, если бы я протянул руку назад, то практически дотронулся бы до кровати. Рой поставил кружку на деревянный кофейный столик, испещренный царапинами. Он по-прежнему улыбался, но я видел, что на самом деле он внимательно меня изучает.

— Ничего не принимаешь? — спросил он почти извиняющимся тоном.

— Вы еще спросите, срут ли медведи в лесу, — ответил я, и Рой рассмеялся.

Тест на наркотики не входил в условия моего досрочного освобождения. Но если бы у Роя возникли сомнения на этот счет, он имел право провести его в любой момент. Каждый месяц он спрашивал меня, не употребляю ли я, и я отвечал ему правду. Рой чуял ложь так же хорошо, как обычные люди по утрам чувствуют запах кофе.

К тому же моя проблема была не в наркотиках. Моя проблема заключалась в том, что я отчаянно хотел жить другой жизнью — не той, которую приходилось вести нам с дедушкой. А еще в том, что я пытался создать себе новую жизнь за счет других. Но смерть мистера Джей на моих глазах и два года

в исправительном учреждении «Отисвилл» излечили меня от подобных поисков.

— Как работа в «Аполлоне»? — спросил Рой, опустив планшет на колени.

— Заказов не много, — ответил я.

Он тут же встревоженно нахмурился, и я быстро добавил:

— Но в декабре работы обычно становится больше. Когда приближаются праздники, люди постоянно оформляют доставку для покупок, которые им нужно сделать в последний момент. И заказывают много еды. Им не хочется вылезать на холод в обеденный перерыв.

— Я слышал, что «Убер» отнимает у курьерских компаний значительную часть заказов.

— У меня все хорошо, Рой.

Рой написал что-то на планшете.

— А как идут дела в «Джованни»?

— Все в порядке.

— Тебе через два дня платить за квартиру. — Он медленно отпил кофе из кружки, не отрывая от меня взгляда. — Проблем не предвидится?

Этот парень явно обладал даром ясновидения. Но я не видел смысла ему врать.

— Денег немного не хватает, но я с этим разберусь.

— Как? — мягко спросил он.

У меня сжалось горло. Рой был того же возраста, что и мой отец... Если, конечно, тот не успел свести себя в могилу, упиваясь алкоголем. Они с матерью бросили меня, когда мне было восемь. Я понятия не имел, живы ли они. И плевать на это хотел.

— Тем же самым *законным* образом, как и обычно, — ответил я.

Рой откинулся на спинку дивана.

— У меня сегодня еще смена в ресторане, — добавил я. — Я справлюсь.

Я не стал добавлять, что шанс заработать восемьдесят долларов за одну ночь, убирая посуду со столиков в ресторане, был микроскопическим. Но я разговаривал с Роем, поэтому говорить это вслух мне было необязательно.

— Конечно, это против правил, — медленно произнес он. — Мне не полагается предлагать тебе...

— Вот и не предлагайте, — перебил его я и выдавил улыбку, чтобы уравновесить резкость своего тона. — У меня все хорошо, Рой. Я выживу. У меня это всегда получается.

Я получу половину суммы, если продам альбом «Journey». Сдам кровь — и доберу остальное. Забавно, но оба плана вызвали во мне похожие чувства. Лишиться альбома — было все равно что отдать часть себя.

Судя по виду Роя, он хотел возразить, но потом передумал.

— Хорошо, тогда давай вернемся к делу. Ты каким-нибудь образом связывался с мистером Карлайлом, мистером Лоуренсом или мистером Нэшем?

— Нет, — ответил я.

Это тоже было правдой. Никто из парней, которые участвовали в том грабеже, не пытался со мной связаться. А сам я уж точно не собирался искать с ними встреч.

— Хорошо.

— Я думал, Нэша отправили обратно в «Райкерс»¹, — сказал я.

¹ Остров-тюрьма, относящийся к Нью-Йорку. Является крупнейшим исправительным учреждением в мире.

Рой нахмурил брови.

— Где ты это слышал?

— Дарлин говорила, — ответил я. — О таких вещах она знает больше, чем желтая пресса о жизни знаменитостей.

— Будь с ней поосторожнее, — предостерег меня Рой. — Торчки похожи на черные дыры — рано или поздно затягивают в свою тьму всех подряд. Я бы не хотел, чтобы ты общался с ней или с парнем, который продает ей наркоту.

— Она ни у кого не покупает наркоту, — возразил я. — Она уже несколько месяцев ничего не принимает.

Я не стал добавлять, что, несмотря на всю свою долбанутьность, Дарлин Монтгомери была моей подругой. Хорошей подругой. У меня не было привычки выбрасывать друзей из жизни, если они делали ошибки. Я сам совершил ошибку. Причем огромную. Но Дарлин и наша маленькая компания друзей не осуждали меня за это. Я не мог не отплатить им как минимум тем же.

Рой сделал пометку, задал еще несколько стандартных вопросов, а потом окончательно опустил свой планшет.

— Так что у тебя нового, Бекетт? Расскажи мне что-нибудь хорошее.

Я встретил девушку...

— Да говорить особенно не о чем, — ответил я.

— Ты с кем-то встречаешься?

Как он это делает, черт его побери? Я опустил взгляд, чтобы не видеть улыбку Роя, которая призывала по-мужски пообсуждать личные темы.

— Да не, особо ни с кем. К тому же парней с судимостью обычно пролистывают влево, и до свиданий дело не доходит.

— Пролыстывают влево?

— В приложении для свиданий. — Я махнул рукой. — Не обращайтесь внимания. Просто дурацкая шутка.

Рой кивнул и задал еще один вопрос:

— Есть какие-нибудь планы на праздники? — В его голосе прозвучала смесь надежды и сомнения.

— Конечно, Рой. Полечу на Ямайку, — отозвался я. — Буду лежать на пляже, пить ром и не вернусь сюда, пока не наступит весна. — Я криво ему улыбнулся. — Еще не поздно сделать запрос, чтобы меня выпустили?

Рой невесело усмехнулся.

— Слегка поздновато.

Первый год моего условно-досрочного освобождения закончился, оставалось еще два. До этого времени я не мог выехать из штата без разрешения комиссии, и даже при его наличии мог отсутствовать лишь в течение месяца — и то, только если Рой даст мне рекомендацию. Возможность покинуть страну даже не рассматривалась.

— Я тут подумал... — медленно начал Рой, нагнувшись ко мне и сложив руки домиком. — Моя святая супруга готовит потрясающую рождественскую ветчину. Обкладывает ее кружочками ананаса, а в середину каждого просовывает коктейльную вишню. Видел такой рецепт? И украшает все это головками гвоздики. Ты даже не представляешь, какой ровный получается узор!

Он хлопнул ладонью по моему колену.

— Если ты откажешься попробовать ее в этом году, я приму это за оскорбление насчет моей жены!

Он сказал это несерьезным тоном. Как и в прошлом году. Мой дедушка умер через месяц после

того, как я погрузился в преступный мир, и теперь семейное древо Коуплэндов состояло из меня, еще раз меня и моего я. Мне было страшно неприятно, что Рой об этом знал. Неприятно, что моя жизнь была для него файлом, который можно открыть и прочесть в любой момент. Но таковы последствия, если ты совершил преступление третьего класса. Я оставался осужденным. Даже когда закончатся два оставшихся года условного заключения, моя судимость будет и дальше меня преследовать.

Это цена, которую необходимо заплатить...

Я выдавил улыбку.

— Может, и заскочу к вам.

Мы оба понимали, что на самом деле я имел в виду другое: «Ни за что на свете». С тех пор как меня оставили родители, у меня не было привычки сближаться с людьми. Рой оставался моим инспектором по надзору. Как только выйдет срок, он исчезнет из моей жизни. Я не видел смысла усложнять ситуацию.

Рой смотрел мне в глаза еще секунд десять, и все это время я не моргал. Наконец он сдался и нарушил давившую на нас тишину, хлопнув ладонями по коленям.

— Ладно, Бекетт. Но это разобьет Мэри сердце!

Он мягко улыбнулся, и мы оба поднялись на ноги. Он пошел к двери. Я сделал три шага к столику у окна, взял конверт с подписью «*Миссис Джей*» и протянул его Рою.

— Передадите это ей?

В улыбке Роя по-прежнему читалась теплота.

— Конечно.

Рой прекрасно знал, что делать. Я писал миссис Джей по письму в месяц с тех пор, как попал в тюрь-

му. Он передал ей уже тридцать семь писем и сейчас держал в руке тридцать восьмое.

— А она... — я откашлялся и опустил взгляд на пол. — Она ничего не отвечала? Хотя бы пару слов?

— Нет, — тихо ответил Рой.

Я кивнул.

— Возможно, она выбрасывает их, не читая. Я не виню ее, но...

Я осекся, когда Рой открыл конверт и начал читать то, что я написал. Он был обязан это сделать. Он не мог ничего передавать жене человека, которого мы убили, не проверив содержимое заранее. Но отсутствие права на личные тайны снова ранило меня, будто ножом.

Рой поднял на меня взгляд. На его лице играла странная улыбка.

— Зельда. Как жена Фицджеральда.

— Вот и я так сказал, — радостно ответил я и только потом вспомнил, что не хотел об этом говорить.

Наши глаза снова встретились, и пространство между нами наполнилось словами, которые Рой хотел мне сказать: о том, что чувство вины отравляло и разрушало все то, что я пытался построить, выйдя из тюрьмы. Я почти слышал его молчаливую просьбу, чтобы я простил себя, и чувствовал на языке отказ, готовый пулей вырваться наружу. Когда мистер Джей умер, меня не осудили за убийство, потому что у него было больное сердце. Но, на мой взгляд, это ничего не меняло. Его проблемы со здоровьем ни черта для меня не значили.

Я не сказал этого Роя. Мы уже все это обсуждали. В другой жизни я мог бы полюбить Роя Гудвина. Мог бы проводить праздники с ним и его святой женой,

ЭММА СКОТТ

пробуя ветчину, украшенную кружочками ананаса и коктейльной вишней. Но Рой ошибался насчет прощения. Мистер Джей умер, и единственным человеком, который мог меня за это простить, была его жена.

У двери Рой натянул куртку и помахал пальцем перед моим лицом.

— Скажи уже хозяину квартиры починить чертovo отопление, понял? Здесь холодно.

— Починить? — переспросил я с усмешкой, чтобы его успокоить. — Я специально снижаю температуру обогрева. Это бодрит.

— Ха, конечно!

Держа в одной руке мое письмо для миссис Джей, Рой протянул другую к моему лицу и потрепал меня по щеке. Точно так же, как когда-то делал дедушка. Слишком личный жест для инспектора по отношению к своему подопечному, но он все равно его сделал, и я позволил ему. Его рука оказалась теплой и какой-то отеческой.

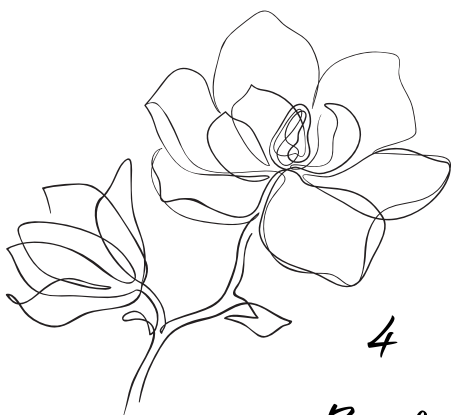
Я отстранился.

— Береги себя, Бекетт. Звони, если что-нибудь понадобится. Увидимся в следующем месяце.

Я кивнул, мысленно благодаря его за то, что он больше ничего не сказал и не предложил. Потом я закрыл за ним дверь.

Сняв с проигрывателя пластинку Чикаго, я поменял ее на Фрэнка Синатру, установив иголку на третий трек. Квартиру заполнили звуки песни «My way».

Песни, которую так любил дедушка.

4

Зельда

30 ноября

Сон, как всегда, состоял из обрывков воспоминаний. Из видений, которые быстро менялись и перемещались во времени, притягивая меня к одному-единственному моменту.

«Где твоя сестра?»

Желтая плитка на полу супермаркета. Полки с супами — ряды консервных банок с синими, красными и коричневыми этикетками.

Снова звучит мамин голос, повторяя вопрос, который будет преследовать нас следующие полгода, пока полицейские не сообщат нам, где она...

«Где твоя сестра?»

Четырнадцатилетняя я увидела Розмари в конце соседнего прохода.

Увидела мужчину, который уводил мою сестренку за руку.

Ее взгляд через плечо.

Ее маленькое личико, озадаченное и встревоженное.